

ЕВГЕНИЙ БУРАВЛЕВ

Как на шестой гряде от бани,
В Таежке либо на Терси,
Не избалованы вниманьем,
Растут поэты на Руси.
Растут, как листья самосада,
И до поры — о них молчок.
Потом, когда пожухнут гряды,
Народ отметит: «Крепачок!»
И сколько раз минутой тяжкой,
Когда несладко мужикам,
Пойдет последнею затяжкой
По кругу крепкая строка.
Пойдет, как взводный тот окурок
Перед решительным броском.

...Ну, а покамест на смех курам
Торчат за баней лопушком.
Иной и двинул бы в столицу,
Но пораскинет наперед,
Что там ему не прокормиться,
А здесь — картошка, огород.
Иной, махнув на все рукою,
Рискнет — и бьется на юру,
И письма шлет, и пьет с тоскою:
Мол, не пришлось ко двору...
И все же нового Кольцова
Откроют новые друзья.
А он в Таежке окольцован —
Его закрыть уже нельзя.

Последний стих... Отпелось, отлюбилося,
Виски посеребрило куржаком,
И муза-девочка совсем от рук отбилась.—
Какая уж любовь со стариком?!
И в тихом стойле, мирно и неспешно,
Жует овес разбевшийся Пегас,—
Его хозяин больше ходит пешим,
Ему не до лихой езды сейчас.
Живет воспоминаниями старый,
Ему скрипеть осталось года два.
И дай-то бог закончить мемуары
До той поры, когда все —

трын-трав...

А все ж нет-нет да от презренной

прозы

Рванется вдруг в объятия стихий,
И что виски, прибитые морозом,

Когда клокочут огненно стихи?!
Закуролесит снова, как бывало,—
К чертям лекарства, грелки и кефир!—
И над строкой редчайшего металла
Замрет на миг выдавший виды мир.
Возьмет в ладони, ахнет восхищенно,
Ожегшись сплавом сердца и ума.
И возвестит какой-нибудь ученый,
Что вот она — Поэзия сама!..
Но усмехнется в ус кудесник старый,—
Кто-кто, а он-то знает в песнях толк!—
И с первой же дурехой гонорары
И пенсию пропьет, и влезет в долг.
И вновь огни в глазах его погаснут,
Он вновь к нарзану прозы припадет,
Но взмыленного скачками Пегаса
На живодерню все же не сведет!

Сильна, стремительна река.
Летит, беснуясь, бьется в скалы.
О, сколько камня за века
Она до блеска обкатала.
Швыряла по дну, вниз — со скал,
Пока не стал весь камень круглым,
Пока весь галечник не стал
Неотличимым друг от друга.
Лежит, усыпав берега,
Готов безропотно катиться
Хоть в пекло — к черту на рога,
Хоть к богу в рай, как говорится.

А были, были валуны,—
Стояли насмерть у порога!
И все ж под натиском волны
Поокруглились понемногу.
Какой в них, в лысых, нынче толк?
Гляжу на них с обрыва грустно:
Еще торчат, теснят поток,
Но изменить не в силах русло...
Не каждый год, не всякий век
Встречаются еще камня,
Что русла самых грозных рек
Меняют в нужном направлении.

Люблю осенние цветы.
Зазимки, ветры их ломали,
Но, первозданны и чисты,
Они цветут, как будто в мае.
Живут, и, кажется, вокруг
Все рядом с ними оживает,
В пожухлых листьях вспыхнет вдруг
По-майски радуга живая;
И блеск печальных паутин
На миг покажется росой,

И хмель, обвивший старый тын,—
Твоей девчоночьей косою.
И запоздалая оса
Трезвонит в колокольчик синий,
И кажется, твои глаза
Ромашки на меня скосили...
Люблю осенние цветы
За отрешенное цветенье
Неброской грустной красоты.
В них прожитой весны виденье
И ты, вся солнечная, ты...

Ты — ночь моя и зорюшка,
И радость ты, и горюшко,
Мечта моя тревожная,
Как ветер, ненадежная.
То — всех похвал достойная,
То самая разбойная,
Несносная, запойная,
Как чирый, беспокойная,
То — правая рука моя,

То самая лукавая,
То преданно-желанная,
То самая обманная —
Как в зной мираж манящая,
Как дождь косой летящая.
То домоседка скромная,
То самая бездомная —
Веселая весна моя,
Любовь, смешная самая,

